

- Tabesse N.* La bataille de Claye du 28 mars 1814. Claye-Souilly: Société d'histoire de Claye et de ses environs, 2014.
- Tulard J.* Dictionnaire amoureux de Napoléon. P.: Plon, 2012.
- Vial Ch.-É.* L'Adieu à l'Empereur. Journal de Marie-Louise. P.: Fondation Napoléon, Vendémiaire Éditions, 2015.
- Vial Ch.-É.* Le dernier voyage de l'Empereur. Paris - Ile d'Aix, 1815. P.: Fondation Napoléon, Vendémiaire Éditions, 2015.
- Villepin D. de* La chute de Napoléon. P.: Perrin, 2015.
- Villepin D. de* La Chute ou l'Empire de la solitude (1807-1814). P.: Perrin, 2008.
- Villepin D. de.* Le Soleil noir de la puissance (1796-1807). P.: Perrin, 2008.
- Waterloo: Acteurs, historiens, écrivains / Éd. de L. Chavanette. P.: Gallimard, 2015.
- Zins R.* 1814, la bataille de Limonest et la chute de Lyon. Reyrieux: H. Cardon, 2014.
- Zins R.* 1814, la bataille de Saint-Georges et l'invasion du Beaujolais. Reyrieux: H. Cardon 2013.

**Gladishev A. Napoleonic Wars of 1812 - 1815:
the French commemorations in ourdays**

The 200th anniversary of the Napoleonic wars provoked in France a wave of commemorations of various levels, contents and directions. On this occasion it took place a lot of academic conferences, it appeared numerous monographs, collections of articles and publications of historical sources. The author pays a special attention to the corresponding social and cultural initiatives in French provincial towns and villages such as festivals, exhibitions, fairs, processions, concerts, battle reconstructions.

Keywords: History of France, the Napoleonic wars, historical memory, commemoration.

Н.П. Таньшина*

**«ЗАПРЕТИТЬ БАНКЕТ — ЗНАЧИТ
ЗАПУСТИТЬ МЕХАНИЗМ РЕВОЛЮЦИИ»:
О НОВОЙ КНИГЕ ВЕНСАНА РОБЕРА**

Автор рецензии анализирует книгу французского историка Венсана Робера, преподавателя политической и культурной истории XIX в. университета Париж-1 Пантеон – Сорбонна, в которой тот пытается найти ответы на вопросы происхождения революций 1830 и 1948 гг., обращаясь к такой важной, но малоизученной странице политической истории Франции первой половины XIX века, как политические банкеты. Банкет для Робера – это важный социокультурный феномен французского общества, выполнявший целый ряд социальных функций, обладавший собственной символикой и структурой и являвшийся органичной частью политической культуры Франции.

Ключевые слова: банкетные кампании, Реставрация, Июльская монархия, политическая культура Франции, цензурная демократия, Июльская революция, революция 1848 г.

Почему происходят революции? В чем причины революционных потрясений? Только ли социально-экономические факторы лежат в основе массового недовольства существующим режимом? Почему для правящей элиты революционный взрыв часто оказывается совершенно неожиданным? Все эти вопросы находятся в центре внимания французского историка Венсана Робера, преподавателя политической и культурной истории XIX в. университета Париж-1 Пантеон – Сорбонна. В своей книге «Время банкетов. Политика и символика одного поколения (1818–1848)», завоевавшей приз Des Rendez-vous de l'histoire («Встречи с историей») в Блуа в 2011 г., автор пытается найти ответы на эти вопросы, обращаясь к такой важной, но малоизученной странице политической истории Франции первой половины XIX в., как политические банкеты. Анализу тесной взаимосвязи между банкетными кампаниями и революционными потрясениями и посвящена эта книга.

* *Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Отделения истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.*

Конечно, и французские, и отечественные исследователи достаточно глубоко изучали банкетную кампанию 1847–1848 гг. как пролог к революции 1848 г. Общим местом в исторической науке стало мнение о том, что правительственный запрет банкета Национальной гвардии 12-го округа Парижа спровоцировал Февральскую революцию. В то же время исследователи отнюдь не рассматривали в целом банкетную кампанию и запрет реформистского банкета как решающий фактор в объяснении причин крушения Июльской монархии. По мнению В. Робера, историческая наука пренебрегала необходимостью учета взаимосвязи, которая, в глазах современников 1848 года, существовала между этой кампанией и банкетами, предшествовавшими Июльской революции 1830 г. Главная заслуга французского исследователя заключается в том, что он рассматривает политический банкет в тесной связи с революционными катаклизмами, анализируя с неизвестной ранее стороны модальности политического поведения французов в годы Реставрации и Июльской монархии. Как полагает В. Робер, без понимания и изучения такого социокультурного феномена как банкетные кампании, трудно сформировать объективное представление о причинах революций 1830 и 1848 гг. Главный вопрос, который автор ставит перед собой: каким образом банкетная кампания могла привести к политическому потрясению, крушению режима, и, в конечном итоге, установлению революционным путем всеобщего мужского избирательного права и демократии в современной Франции (Р. 8).

Такой подход к проблематике созвучен современным тенденциям в развитии исторической науки, в которой вопрос о причинах революции 1848 г. является весьма обсуждаемой темой. Как справедливо отмечает В. Робер, так уж сложилось, что наиболее обстоятельные и серьезные работы по политической истории Франции периода Реставрации и Июльской монархии принадлежат англоязычным авторам. В какой-то степени то же самое можно сказать о событиях 1848 г.: пересмотр вопроса о причинах Февральской революции во многом начался с работы английского историка Теодора Зелдина «Франция. 1848–1945»¹, в которой автор пришел к выводу, что объяснять причины революции исключительно экономическими сложностями, коррупцией и нерешенностью вопроса об избирательном праве – значит не учитывать целого комплекса причин, связанных с не менее важными факторами социально-политического и психологического свойства. В этой связи появление книги В. Робера представляется весьма своевременным.

¹ Зелдин Т. Франция. 1848 - 1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004.

Банкет для В. Робера – это важное социокультурное явление французского общества, выполнявшее целый ряд функций, обладавшее собственной символикой и структурой и являвшееся составной частью политической культуры Франции. Он, по мнению В. Робера, являлся способом политического действия, глубоко связанным со временем существования во Франции режима конституционной монархии и ставившим в метафорической и символической форме два существенных политических вопроса: национального суверенитета и избирательного права (Р. 398). Банкет – это «матрица политических ассоциаций» (Р. 101), атрибут основных принципов либерального общества, объединение символически равных, по крайней мере, на время обеда, людей.

В то же время, политические банкеты автор рассматривает как явление, имевшее глубокие корни в политической культуре Франции. При этом В. Робер не просто анализирует банкет в исторической ретроспективе, а проводит компаративный анализ банкетных кампаний периода Реставрации и Июльской монархии. Он проводит также любопытные сравнения застолий в Древней Руси, при Петре I, в СССР и подчеркивает, что во Франции банкеты имели совершенно иной характер, являясь порождением западной цивилизации, греко-римского наследия: в античности публичные обеды были частью политической культуры. Для Франции, по его словам, банкеты, хоть и не были основной чертой политической жизни, носили явно выраженный политический характер.

Историю творят историки, она есть конструкт воображаемого. И порой так случается, что забвение каких-то сюжетов создает впечатление, будто бы их и не было в истории. В. Робер своей книгой выводит из небытия один из важных элементов политической культуры Франции, реконструируя, таким образом, политическую культуру как таковую. Стоит согласиться с мнением автора, что пренебрежение исследователей к проблеме банкетов вовсе не говорит о ее незначительности и неважности. По мнению В. Робера, незавидная историографическая судьба банкетов стала следствием разделения политической истории XIX века на своеобразные «отсеки», когда историков интересовало лишь то, что входило в «игру институтов» (Р. 398).

Историографический пробел в изучении банкетных кампаний во многом связан с длительным периодом отсутствия глубокого интереса как французских, так и отечественных исследователей к истории постнаполеоновской Франции.

Почему годы Реставрации и Июльской монархии долгое время не привлекали внимания исследователей? Дело в том, что основные

научные интересы специалистов были сконцентрированы на периодах бурных общественных потрясений, которых в политической истории Франции конца XVIII – XIX вв. было предостаточно. И так получилось, что годы Реставрации и Июльской монархии оказались за скобками, ограниченные с одной стороны Революцией XVIII в., Первой империей и Наполеоновскими войнами, а с другой – Революцией 1848 г., Второй империей и Парижской Коммуной. Однако, начиная с работ известного французского исследователя Рене Ремона², годы Реставрации и Июльской монархии рассматриваются как важный этап формирования французской государственности, становления политических институтов, являющихся основой современной политической системы Франции. Отрадно, что в последние десятилетия во Франции появилось много работ, посвященных политической истории этого периода. Это и биографии политических лидеров той поры, таких как Ф. Гизо, А. Тьер, А. Ламартин; и обобщающие работы по истории Реставрации и Июльской монархии; и работы по политической истории и политическим институтам того времени³. О глубоком интересе к этим вопросам свидетельствует и активная публикация источников, прежде всего корреспонденции, мемуаров политических деятелей или светских персонажей тех лет, таких как А. де Буань, Д. де Дино, Ш.-М. Талейран, Р. Аппоньи⁴.

Если исследователи порою упускали банкетные кампании из поля зрения, то современники, по глубокому убеждению В. Робера, напротив, считали их важным политическим событием. Это он подтверждает, опираясь на обширную источниковую базу. Зачастую историк использует хорошо известные специалистам документы, воспоминания, мемуары политических деятелей тех лет, публицистику, прессу, однако поднимает

² *Rémond R.* La vie politique en France. 1789–1848. P., 1965. Т. 1–2; *Idem.* La droite en France de la première Restauration à la Ve République. P., 1963; *Idem.* Le XIXe siècle. 1815–1914. P., 1974.

³ См., например: *Antonetti G.* Lui-Philippe. P., 2002; *Bordonove G.* Talleyrand : Prince des diplomates. P., 2007; *Broglie G.* L'Orléanisme. La ressource libérale de la France. P., 1981 ; *Idem.* Guizot. P., 1990; *Idem.* La monarchie de Juillet. 1830-1848. P., 2011; *Guiral P.* Adolphe Thiers. P., 1986; *Price M.* Louis-Philippe. Le prince et le roi. La France entre deux révolutions. P., 2009; *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. P., 1985; *Teyssier A.* Luis-Philippe. Le dernier roi des Français. P., 2010; *Theis L.* Guizot. P., 2008; *Unger G.* Lamartine. P., 1998; *Wagener F.* La comtesse de Boigne. P., 1997.

⁴ *Apponyi R.* « Les Français envient notre bonheur». Journal du compte Rodolphe Apponyi, 1826–1848. P., 2008; *Boigne A.* Mémoires de la comtesse de Boigne. P., 2005. Т. 1–2; *Dino D.* (*duchesse de Talleyrand et de Sagan*). Chronique de 1831 à 1862. Т. 1–4. P., 2005; *Mémoires et correspondances du prince de Talleyrand / par E. de Waresquiel.* P., 2007.

проблему, на которую прежде не обращали внимания. Это в очередной раз заставляет задуматься над вопросом о новом прочтении старых источников, об умении ставить правильные вопросы и находить нужные ответы – обо всем том, к чему призывали в свое время основоположники школы «Анналов» Марк Блок и Люсьен Февр. Поставив перед собой четкую цель, В. Роберу удалось увидеть в исторических документах то, что порой просто ускользало от внимания специалистов.

Еще одна привлекательная черта источниковой базы работы – это расширение географических рамок исследования и выход за пределы Парижа и центрального региона и, соответственно, активное использование как центральных, так и региональных документов. Это позволило автору сделать вывод о том, что банкетные кампании – это черта не только столичной, но и провинциальной жизни. Источниковую базу работы В. Робера составили архивные материалы, как национальные – из архива Министерства внутренних дел и юстиции, так и департаментские – документы архивов Роны и Лиона. Также использованы национальная и региональная пресса и публицистика: газеты Лиона, Дижона, Шалона, Макона, а также хранящиеся в Национальной библиотеке документы банкетов, происходивших в различных департаментах. Широко использует автор мемуариистику и публицистику той поры: работы О. Барро, П.Ж. Беранже, Л. Блана, В. де Броя, Л.-А. Гарнье-Пажеса, Ф. Гизо, М.-Ж. Лафайета, А. де Токвиля, Ш. Ремюза и многих других. Опять-таки все это источники хорошо известные, но в них автору удалось увидеть то, что прежде оставалось незамеченным.

Особенно импонирует привлечение материалов художественной литературы или публицистических работ, принадлежащих мастерам художественного слова, благо в те годы литературная жизнь Франции была необычайно насыщена. Одно перечисление имен авторов, работы которых активно использовал автор, говорит о многом: О. Бальзак, А. Дюма, А. Ламартин, Ж. Санд, Э. Сю, Г. Флобер. Собственно, книга и начинается с оригинального захода – описания впечатлений 26-летнего жителя Руана, тогда еще никому не известного Гюстава Флобера, о реформистском банкете в конце декабря 1847 г. Банкет произвел на будущего знаменитого писателя гротескное впечатление: молодой человек остался холоден к происходившему и более того, испытал привкус некоего отвращения к обществу, охваченному патриотическим энтузиазмом: «Никогда Франку де Мюссе (имеется в виду Карл Франк, герой драматической поэмы А. Мюссе «Уста и чаша». — *Н.Т*) не сорвать столько восторженных криков,

сколько раздавалось со всех сторон залы в адрес мурлыканий Одилона Барро и г-на Кремье о состоянии наших финансов». Люди интеллектуально одаренные, творческие, тонко чувствовали ситуацию, улавливая то, что другим было пока не очевидно.

Книга В. Робера построена по хронологическому принципу и охватывает годы существования во Франции режимов Реставрации и Июльской монархии, хотя иногда автор сознательно нарушает хронологию. В частности, он начинает с описания события, явившегося, по его мнению, ключевым для понимания Июльской революции 1830 г., а именно - банкета в парижском ресторане «Des Vendanges de Bourgogne» («Бургундские виноградники») 1 апреля 1830 г. Банкет был проправительственным. Публика была представлена политической элитой, депутатами, способными заплатить взнос в 20 франков, в то время как, замечает В. Робер, основная часть парижан могла позволить себе потратить на обед менее одного франка. Банкет проходил под лозунгами: «Да здравствует Хартия! Да здравствует конституционный король!» За десертом председатель банкета, бывший мэр третьего округа Парижа г-н Руссо, произнес единственный тост: «За взаимодействие трех ветвей власти: конституционного короля, палаты пэров и палаты депутатов!» (Р. 23). Между тем, справедливо отмечает автор, если проанализировать работы по истории Реставрации и Июльской монархии, то, за единичным исключением, мы не найдем упоминаний об этом событии. Оно и не удивительно, полагает В. Робер, учитывая отсутствие интереса историков к периоду Реставрации и Июльской монархии: «Надо признать, что эти цензитарные режимы консервативных нотаблей не вдохновляли большинство историков, рассматривавших их только как олигархическое отступление (от демократического вектора развития. – Н.Т.)... Если режим Июльской монархии еще и вызывал некоторый интерес с точки зрения социальных проблем, поставленных промышленной революцией, а также с точки зрения расцвета первых социалистических доктрин, то Реставрация была в полном пренебрежении». Что касается Июльской революции, которая, по мнению большинства французских историков, считает Робер, только и сделала, что привела «крупную буржуазию к власти», то она, по его наблюдению, являет пример любопытного историографического явления: это была единственная французская революция XIX в., наибольший вклад в изучение которой внесли англоязычные специалисты (Р. 25). В этой связи нет ничего удивительного, что банкет в «Des Vendanges de Bourgogne» был полностью забыт (Р. 26).

Между тем, по мнению В. Робера, современники отнюдь не рассматривали этот банкет как незначительный эпизод, скорее наоборот. О нем написала вся пресса и не только парижская. Причем, как отмечает автор книги, необходимо учитывать, что в те годы в газетах писали совсем не о том, о чем ныне. Газеты – это место изложения различного рода размышлений, доктрин и политической полемики, особенно в условиях медленного обмена информацией и циркуляции новостей. Банкетам в газетах обычно отводилось всего несколько строк. В данном отношении показательно, что либеральная газета *Le Constitutionnel* посвятила описанию этого банкета первую страницу в своем номере от 2 апреля 1830 г. и возвращалась к нему и в последующие дни. Другие газеты столицы и провинциальные издания шли по следам *Le Constitutionnel*; причем характерно, что о банкете писала не только либеральная, но и консервативная, даже ультрароялистская пресса.

Почему В. Робер придает такую важность этому банкету? По его мнению, данный банкет важен не только сам по себе – его следует рассматривать как провозвестие июльских баррикад 1830 г., а также как некий итог: он был не первым, который либералы организовывали в годы Реставрации. Были и другие, как в Париже, так и в департаментах. Изучить их историю, их описать, значит, лучше понять то, что произошло весной и летом 1830 г. (Р. 31).

Описание банкетов эпохи Реставрации автор начинает с характеристики первого политического собрания либеральной оппозиции, состоявшегося в ресторане «Радуга» в Париже 5 мая 1818 г. Банкет был организован в преддверии назначенных на осень парламентских выборов. Как отмечает В. Робер, банкеты времен Реставрации собирали привилегированную публику, представленную нотаблями, то есть «влиятельными людьми», политической и деловой элитой. За редкими исключениями, это были мужчины (участию, точнее, неучастию женщин в банкетах В. Робер уделяет отдельное внимание). На этих мероприятиях, как правило, чувствовался какой-либо влиятельный и достойный человек, очень часто парламентарий. Поскольку банкеты не могли представлять реальной угрозы общественному порядку, их было трудно запретить: чаще всего администрация ограничивалась наблюдением и подсчетом участников, что было особенно актуальным в условиях роста либеральных настроений в стране, последовавшего вслед за парламентскими выборами 1827 г.

Что еще отличает книгу В. Робера, так это выход за рамки и методологию традиционного исторического исследования, активное

применение методов культурной и исторической антропологии, истории повседневности и истории быта⁵, позволяющих добиться эффекта погружения в историческую реальность.

Во второй главе «Время тишины (1818–1820)» автор объясняет смысл банкетов, на которых гости не произносили тостов и которые проходили в тишине. Он отмечает, что в контексте хрупкой свободы того времени все элементы банкета являлись смыслообразующими (Р. 45–46). Например, смысл банкета может быть понят через исполняемую там музыку. Праздник не мог быть полным без нескольких куплетов, «соответствующих обстоятельствам», как говорили тогда. Поэт должен был продекламировать несколько строк из своего произведения в честь героя банкета или спеть подходящую песню, при этом зачастую и песни, и стихи были весьма посредственными (Р. 89). По словам автора, важность тостов и песен как неотъемлемых атрибутов банкетов позволяет лучше понять оппозиционный характер «немых банкетов» первых лет Реставрации. Разве праздник мог обойтись без песен и тостов?

Личности тех, в честь кого устраивался банкет, дата его и даже меню, – все это, по мнению В. Робера, имело смысл. Например, говоря о важности даты назначения банкета, автор обращает внимание на тот факт, что до периода Второй республики кабинеты министров именовались не по их лидерам, а именно по датам: министерство 1 марта 1840 г. (во главе с А. Тьером), кабинет 29 октября (министерство Сульта-Гизо 1840 г.).

Анализируя социальный состав участников банкетов Реставрации, В. Робер отмечает, что ими были нотабли, как влиятельные, так и менее значительные, но в любом случае люди, абсолютно располагавшие своим временем. Собраться 100–150 персонам в какой-либо день, не обязательно воскресный, не представляло труда (Р. 49). Дата выбиралась в зависимости от того, какое количество гостей могло присутствовать на банкете, а не в зависимости от того, чем памятен был этот день.

В третьей главе под названием «Физиология банкета во времена Реставрации» автор ставит вопрос: по какому случаю собирались банкеты в первой половине XIX века? Банкет был, вне всякого сомнения, не просто общей трапезой. Ученики колледжей и лицеев времен Реставрации это прекрасно понимали, когда с нескрываемым нетерпением ожидали банкета в лицее Карла Великого. Банкеты рассматривались их участниками не просто как обычные собрания или как политические ассамблеи, но прежде всего как праздники. Банкет – это праздничная еда. Но что можно было праздновать на банкете?

⁵ Ср.: Мильчина В. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М., 2013.

Самыми распространенными, но менее всего упоминаемыми в документах, являлись банкеты, на которых отмечались знаменательные события в жизни человека или семьи, такие, как свадьба или крещение. Такие банкеты В. Робер оставляет за рамками своего исследования, за исключением банкетов, связанных с рождением в сентябре 1820 г. герцога Бордоского – «дитя чуда»⁶, а потом его крестины праздновались по всей Франции, в том числе и на банкетах.

Начиная с эпохи Просвещения, вошло в обычай чествовать выдающихся людей. Формы прославления были самыми разнообразными: академическая ода, посмертная эпитафия, статуи на площадях – все это являлось разновидностями публичных манифестаций. Таковы были, например, банкет в честь прибывшего в Париж композитора Джоаккино Россини, или описываемый Бальзаком в «Утраченных иллюзиях» банкет в честь поэта Люсьена Рюбампре.

Ощутить «вкус» истории в прямом смысле этого слова позволяет описание в книге банкетных трапез. Есть и пить на банкете было принято умеренно; спиртное заготавливалось из расчета одна бутылка вина на человека. Для сохранения участниками достойного облика и контроля за своими действиями предписывалось подавать только один вид вина, как это было, например, на банкете в Лионе в 1822 г. (Р. 86).

Тосты произносились во время десерта. Поднимали бокалы, главным образом, с шампанским. Первый тост традиционно произносился за здоровье короля, следующий – за здоровье королевской семьи или героев праздника. Потом мог последовать тост за Хартию, за палату пэров и палату депутатов, за Национальную гвардию или, например, за процветание города Ангулем. Характер тостов зависел от состава участников банкета: был ли это банкет либеральный, роялистский или масонский. У масонов, например, первым всегда произносили тост за короля (Р. 88).

Не меньшее значение имели убранства интерьера и декорации ресторана во время банкета. Эта проблематика рассматривается в шестой главе книги, именуемой «Символика и драматургия банкета». Анализируя уже упоминавшийся банкет в «Des Vendanges de Bourgogne», автор приводит слова анонимного журналиста-монархиста, который после этого мероприятия опубликовал сатирическую версию «гастрономической трилогии в одном акте и трех блюдах» (Р. 162). В зале ресторана не

⁶ Герцог Бордоский появился на свет уже после убийства его отца, герцога Беррийского, совершенного в феврале 1820 г. и, казалось бы, обречшего династию Бурбонов на угасание.

было ни бюста, ни портрета короля. Вместо него, за креслом президента банкета размещался лишь текст Хартии. Банкет был организован на 700 персон в честь депутатов, подписавших Адрес на тронную речь короля на открытии парламентской сессии⁷. Это событие, по словам В. Робера, четко показывало, что отныне речь шла о необходимости выбора между верностью династии и верностью Хартии, и либералы, как и ультрароялисты, свой выбор сделали. Отсутствие королевского бюста в зале, отмечает историк, было весьма показательным. Смысл этого политического послания был абсолютно ясен: для парижских избирателей, собравшихся в зале ресторана «Des Vendanges de Bourgogne», персоне короля потеряла свой прежний сакральный статус. Причем, отмечает Робер, речь шла не только о декоре или атрибутах королевской власти; под сомнение была поставлена сама сущность реставрированной монархии, по крайней мере в том экзальтированном и мистическом виде, в каком она представлялась Карлу X, Полиньяку и доброй части ультрароялистского дворянства (Р. 165).

Главным элементом декора либеральных банкетов времен Реставрации была так называемая «гражданская корона»⁸, которую роялистская пресса именовала не иначе, как «республиканской короной». Ее, по мнению В. Робера, можно также интерпретировать как символ десакрализации королевской власти. Королевская корона отныне не воспринималась как священная. Власть больше не заключалась в персоне короля, а была разлита в обществе. Тост за королевскую власть на банкете в «Des Vendanges de Bourgogne» был произнесен, но наряду с тостами за две другие конституционные ветви власти: палату пэров и палату депутатов. А вот за здоровье царствующего монарха, как и за августейшую семью и за наследника трона, тосты не произносились.

Сущность монаршей власти, как ее видели сами короли, раскрывается в одном из интереснейших разделов не только этой главы, но и, на мой взгляд, всей книги: «Король-Христос и отец-кормилец».

По мнению В. Робера, возвращение на французский трон легитимной династии в лице брата казненного Людовика XVI указывало на новую редакцию

⁷ «Адрес 221-го» (фр. *Adresse des 221*) – подписанное 221 французским депутатом 18 марта 1830 г. ответное письмо на тронную речь Карла X на открытии сессии парламента. Это политическое заявление выражало протест против недоверия, выраженного королем, и опасение за свободы французского народа при ультрароялистском министерстве Ж. де Полиньяка.

⁸ Гражданская корона (лат. *Corona Civica*) – вторая по значимости военная награда в Древнем Риме, представлявшая собой венок из дубовых листьев и вручавшаяся за вклад в сохранение жизней солдат. Впоследствии гражданская корона стала прерогативой и отличительным знаком римских императоров.

принципа сакральности королевской власти, о чем свидетельствовало намерение Людовика XVIII осуществить самый древний, самый важный и самый зрелищный из ритуалов суверенитета – процедуру коронации. Приготовления были начаты в 1819 г., и только плохое самочувствие суверена не позволило состояться коронации в Сен-Дени. Это объясняет значение, придававшееся коронации Карла X в Реймсе 29 мая 1825 г.

В отличие от Людовика XVIII, который из-за слабого здоровья не путешествовал по стране, граф д'Артуа активно разъезжал по Франции. Став королем, он неоднократно посещал северные и восточные департаменты. Накануне назначения министерства Ж. Полиньяка обсуждался вопрос о поездке в Нормандию. Однако Карл X, всегда с пиететом относившийся ко всему, связанному с атрибутами королевской власти, полагал, что этих поездок было недостаточно без обычая, которому он придавал высшую символическую важность – традиционной церемонии «большого стола», устраиваемой королем.

Обед на публике – это важный акт в символике суверенной власти. Однако если средневековая традиция этого явления хорошо изучена, то новоевропейская, как справедливо отмечает В. Робер, нет. Поэтому автор предлагает свои подходы в анализу этого важного, как оказалось, даже в постреволюционной Франции, обряда. В эпоху Реставрации «большой стол» был ритуальной церемонией, проходившей дважды в год: Людовик XVIII и Карл X обедали на публике 1 января, в день Нового года, и в день своих именин: у первого – 25 августа, у второго – 4 ноября⁹. Церемония пользовалась огромной популярностью: количество желающих пройти по проходу за балюстрадой и лицезреть членов королевской фамилии во время почти безмолвного обеда достигало нескольких тысяч. Этот обычай был очень быстро забыт после революции 1830 г.: смысл сакральной традиции не воспринимался рациональными элитами Июльской монархии, рассматривавшими королевскую власть как результат общественного договора.

Первым публичным актом Людовика XVIII, вернувшегося во Францию после двадцатитрехлетней ссылки, явился публичный обед в Кале 24 апреля 1814 г. Но если Людовик XVIII не испытывал особой склонности к соблюдению ритуалов, то с его братом дело обстояло иначе. Став королем, граф д'Артуа устраивал обеды на публике во время путешествий по стране, например, в Лилле в 1827 г., а год спустя в Меце и Страсбурге. Выбор этих городов был отнюдь не случайным:

⁹ См. также описание этой церемонии в кн.: *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж», 1815–1848. М., 1998.

три военных города, расположенных в непосредственной близости от границы, в департаментах, подвергшихся продолжительной оккупации в 1815–1818 гг. Во время этих банкетов вокруг королевского стола прошло около 4 тыс. человек. Это зрелище очень впечатлило монарха; он был счастлив, что его посетило столько верноподданных.

Еще одной характерной чертой этих банкетов стало присутствие на них иностранных принцев. Как отмечает В. Робер, смысл этого заключался в том, чтобы продемонстрировать суверенитет короля Франции не только своим подданным, но также иностранцам, в том числе немецким принцам (Р. 168).

В этой связи, по мнению В. Робера, можно воспринимать как своеобразный вызов монархии банкет, устроенный в честь генерала М.-Ж. Лафайета 27 сентября 1828 г. в Мену. По свидетельству комиссара полиции, «говорили, будто бы народ был допущен дефилировать вокруг стола...» Исследователь отмечает, что публичными властями это было расценено как акт оскорбления королевского величества, равно как и кавалькада, сопровождавшая Лафайета при въезде в город, а также «гражданская корона», которую вынесли прославленному генералу к воротам Гренобля его жители в августе 1829 г.

В чем заключался смысл «большого стола»? По мнению В. Робера, ритуал поддерживал традиционные представления о короле как кормильце нации. Карл X хотел предстать именно в таком образе и выглядеть, во всяком случае, для бедных, «распределителем пищи» и «отцом-кормильцем».

Эти представления отчетливо проявились в обычае, известном под названием «церемония Сены», которая, по убеждению Карла X, должна была возродить мистическую связь между короной и небом. Начиная с 1816 г. «церемония Сены» ежегодно проходила каждый Чистый четверг перед Пасхой в галерее Дианы дворца Фонтенбло. Автор реконструирует суть этой церемонии по роялистской и либеральной прессе тех лет. В частности, в роялистской *La Gazette de France* церемония описывалась следующим образом: король, отслужив мессу, омывал ноги 13-ти «апостолам» в галерее Дианы, потом подносил им по 13 блюд. Королю в этой церемонии помогали дофин и высшие офицеры. Из либеральной прессы мы узнаем о присутствии дофины и герцога Беррийского. В роли «апостолов» выступали 13 детей, которым король после омовения ног преподносил по тринадцать двадцатифранковых¹⁰ монет в мешочке, украшенном королевскими лилиями, угощал каждого тринадцатью блюдами, дарил по фунту хлеба и кувшинчику вина (Р. 170).

¹⁰ 260 франков, отмечает В. Робер, соответствовали трехмесячному заработку парижского рабочего.

Эта церемония омовения Карлом X ног тринадцати беднякам должна была символизировать, что король, представитель Бога в своем отечестве, является для всех подданных отцом-кормильцем, единственным распределителем королевских богатств, вверенных ему самим Богом.

В своем средневековом архаизме смысл этой церемонии, как отмечает автор книги, был предельно ясен для всех: церемония утверждала сакральный статус суверена как единственного светского главы королевства, который мог выполнять такой ритуал, придававший ему статус, сопоставимый с папой и епископами. Церемония также со всей очевидностью должна была демонстрировать, что источник королевской власти сосредоточен в божественном благословении, поскольку король в ходе этой церемонии отождествлялся с Христом, омывающим ноги апостолам. Карл X, несмотря на Хартию, был уверен, что реставрированная монархия проистекала из божественного права, и «церемония Сены» должна была подтверждать ее мистическую сущность (Р. 171).

Подводя итог либеральным банкетам времен Реставрации, автор делает вывод, что они являлись важной школой приобщения общественности к политической деятельности, готовили почву для расширения избирательного права и относительной демократизации местных эшелонов администрации, генеральных советов и муниципалитетов в первые годы Июльской монархии.

Вторая часть работы – «Реформистский банкет (1832–1848)» – посвящена анализу политических банкетов в годы Июльской монархии. Прослеживая эволюцию банкетов в годы правления Луи Филиппа, автор отмечает, что тогда наблюдалась определенная демократизация этой практики: банкет, устроенный в Лионе 30 сентября 1832 г. в честь Гарнье-Пажеса, собрал приблизительно 1800 участников, в большинстве своем разночинцев. Это явилось поводом для запрета префектурой аналогичного мероприятия, намеченного на весну следующего года. Если банкеты времен Реставрации не имели четкой политической цели, то банкеты времен Июльской монархии организовывались, как правило, в поддержку реформы избирательного права.

Анализируя банкетную кампанию 1840 г. в поддержку реформы избирательного права, автор приходит к выводу о важности банкетов в политической жизни того времени. Банкеты, по мнению В. Робера, позволяли транслировать политические лозунги на широкую территорию и формировать общественное мнение за пределами *rayon legal*, то есть корпуса избирателей и парламентариев. Таким образом, заключает историк, нет ничего удивительного в том, что банкеты к 1848 г.

способствовали «резкому возбуждению народных масс» (Р. 254), запустили механизм мобилизации общественного мнения, чем воспользовались республиканцы, сами не ожидавшие столь быстрой развязки событий.

Характерная черта банкетов Июльской монархии – расширение социального состава участников, выход за пределы *pays legal* и участие в банкетах не только нотаблей и 200-франковых избирателей, но и тех, кто не отвечал избирательному цензу. По мнению В. Робера, теория цензового избирательного права, обоснованная и защищавшаяся одним из ведущих политиков и идеологов Июльской монархии Франсуа Гизо, имела свои пределы: в повседневной реальности неизбежность избирательного ценза была невыносима. Банкетам цензитарных нотаблей демократическая и либеральная оппозиция противопоставила собственные, начиная с первой кампании в поддержку избирательной реформы. Именно вопрос о расширении избирательного права и отказ Луи Филиппа от дальнейших реформ в этой сфере после принятия избирательного закона 1831 г., В. Робер считает ключевым для понимания политической судьбы всего режима Июльской монархии, и анализ реформистских банкетов в этой связи представляется весьма важным.

Начиная с 1830 г. банкеты становились все более демократичными и анонимными. «Франция приглашает вас всех!», – провозгласил осенью 1830 г. один из влиятельных оппозиционных публицистов той поры Л.-М. Корменен. Демократизация объяснялась тем, что банкет в поддержку всеобщего избирательного права должен был исходить из идеи единства всех граждан, вне зависимости от их социального статуса. Такой банкет обеспечивал гармонию между его участниками, восстанавливал невидимую связь с гражданскими банкетами Революции XVIII в., когда богатые и бедные ели за одним столом. По словам автора, речь шла не просто о политике, но о руссоистской мечте, и в этой связи, как он полагает, события 1848 г. были весьма предсказуемы.

Главный вопрос, который ставит В. Робер во второй части книги, заключается в следующем: как объяснить перерастание экономического кризиса и недовольство внешней политикой правительства Гизо в кризис политический? По мнению исследователя, «вряд ли одна только пресса могла вызвать революцию, а внешняя политика Гизо могла стать объектом критики, но не спровоцировать восстание» (Р. 10). Как полагает Робер, переход буржуазии в решительную оппозицию режиму, с риском социальных потрясений и даже революции, также не может быть объяснен только причинами социально-экономического и внешнеполитического свойства.

Автор ставит вопрос: почему призыв оппозиции к стране принял форму банкетных кампаний? В годы Июльской монархии, как и в годы Реставрации оппозиция не могла устраивать митинги для мобилизации общественного мнения, поскольку они были под запретом. Поэтому банкеты, как отмечает Робер, являлись единственной легальной возможностью для реализации этой цели (Р. 11).

Последняя глава книги имеет раздел «Как родилась революция?» В. Робер полагает, что не следует возвращаться ни к методологии классической политической истории, ни к наследию школы «Анналов». Историк считает, что речь должна идти об углублении анализа и синтезе разнообразных подходов. Современные знания о революциях, по его мнению, заметно продвинулись. То, что правительства Карла X и Луи Филиппа не верили в неизбежность революции, – это, по его убеждению, очевидный факт. В момент публикации ордонансов в июле 1830 г. Полиньяк и Карл X были застигнуты врасплох и не приняли ни малейших мер предосторожности. Мармон, командующий столичным гарнизоном, узнал новость о государственном перевороте в понедельник утром, читая *Le Moniteur*, как и все парижане. Июльская монархия в феврале 1848 г. выглядела еще более прочной: 21 февраля, узнав, что депутаты династической оппозиции отказались от запланированного банкета, Луи Филипп и его окружение сочли, что одержали победу, а многочисленные и хорошо подготовленные силы правопорядка станут гарантией того, что дело не дойдет до возмущений.

Автор полемизирует с известным французским историком Э. Лабруссом, утверждавшим: «Революции происходят вопреки революционерам. Тогда как событие уже произошло, правительство все еще в него не верит. Но средний революционер не хочет революции» (Р. 382). В. Робер же задается вопросом: кто такой «средний революционер»? Ни в 1830 г., ни в 1848 г. не существовало революционной партии в современном смысле этого слова, имевшей возможности и способности увлечь за собой массы. Лабрусс, по мнению Робера, это хорошо понимал, подчеркивая, что, как и в 1789-м, в 1830-м и 1848 годах произошли революции народные, спонтанные и неуправляемые (Р. 382).

Средний революционер, по мнению В. Робера, не может быть описан как член малочисленных революционных организаций, как студент, участник реформированных обществ карбонариев или бывших военных, как член «Общества времен года», продолжавшего конспиративно действовать после заключения в тюрьму О. Бланки. Эти люди, отмечает автор, были слишком малочисленными и маргинальными, чтобы

их можно было квалифицировать как «средних революционеров». Подобный термин, по его мнению, должен применяться по отношению к адвокатам, журналистам, депутатам, которых Июльская революция привела к власти. Это были такие люди, как Ж. Лаффит, А. Тьер, О. Барро, М.-Ж. Лафайет или Ф. Гизо в 1830 г., А. Кремье, А. Ламартин, Л. Блан или А.О. Ледрю-Роллен в 1848 г. Что касается неожиданности революции как для правящего класса, так и для самих республиканцев, то, как отмечает В. Робер, многочисленные свидетельства указывают на удивление, охватившее этих политиков, для которых революция, говоря их же словами, стала громом среди ясного неба.

Для аргументации своей позиции автор анализирует содержание газет за несколько дней до революции и не находит в них призыва к восстанию. Нет ни руководящего органа, чтобы разработать революционный проект, ни военной организации, чтобы его реализовать. Что, следовательно, могло привести в движение толпу, которая строила баррикады и ниспровергала монархию? Для этого был необходим мощный двигатель.

Лабрусс как историк-марксист объясняет события социально-экономическими причинами. Робер полагает, что на современном уровне развития исторической науки такую интерпретацию вряд ли можно признать удовлетворительной. Автор считает, что события 1830 и 1848 годах нельзя объяснить только экономическими проблемами. В 1847 г. был собран хороший урожай, и дела пошли в гору. Кульминация социального кризиса, по мнению Робера, была пройдена за 6-8 месяцев до февраля 1848 г. Это проявилось в волнениях, произошедших в столице, которым не придали большого значения, но которые вызвали беспокойство у наиболее дальновидных наблюдателей.

Обращаясь к причинам революции 1848 г., автор полагает, что, прежде всего, надо говорить о политических факторах, однако считает, что этот анализ не может «принять прежние, более или менее модернизированные формы». «Февральская революция не может рассматриваться, как результат божественного вмешательства в события... не может она восприниматься и как плод республиканского заговора, искусно плетущегося в тени – детективная версия, которая еще находит почитателей. Мобилизация парижской толпы, с риском для жизни людей, надо это признать, не была следствием действий Гавроша, жаждущего услышать свист пуль, или чулочника, недовольного англофильской политикой Гизо: ради этого не рискуют своей жизнью, или, скорее, если и находятся такие горячие и на все способные головы, как Барбес, то толпа остается индифферентной, какой она была в 1839 г.

То, что оказалось поставлено на карту, было гораздо серьезнее и касалось как парижской буржуазии, так и рабочих классов». Фундаментальная ошибка правительства, и особенно министра внутренних дел Т. Дюшателя, имевших только полицейское и политическое видение кризиса, заключалась в том, что они, по мнению историка, не поняли и даже не предположили, что запрет банкета в 12-м округе станет для парижан и для многих французов за пределами столицы точным аналогом ордонансов Карла X, приведших к Июльской революции. «Это было нарушение фундаментальной социальной свободы, естественного права... Для менее политизированной публики это означало нарушение права весело праздновать со своими друзьями или организовывать бал... без необходимости испрашивать разрешения властей. Для более интеллектуальной и политически продвинутой публики это значило запретить вместе думать, вместе просвещаться, вместе мечтать о будущем. Запретить банкет... означало забаррикадировать двери в будущее для всего поколения», – пишет В. Робер.

В феврале 1848 г., его по мнению, в Париже спонтанно сформировался союз между политическим реформистским движением, Национальной гвардией, учащейся молодежью и организациями рабочего класса, объединившимися с целью защиты права собраний, которое у них никто никогда реально не оспаривал со времен Белого террора (Р. 387). «Запретить банкет – это значит запустить механизм революции», такова главная мысль Робера. Банкет – это праздник; это способ снять напряжения, это примирение; запрет его был абсолютно недопустимым шагом, убежден историк (Р. 390, 392).

Несмотря на то, «время банкетов» завершилось в 1848 г., это не означало, что их не было позднее. Весной того же года происходило огромное количество гражданских банкетов, однако они были очень скромными по бюджету, из расчета полтора франка на человека. На двадцать гостей приходилось только 2 кг заливного, два окорока, один фунт сыра, один фунт хлеба, но 15 бутылок вина (в среднем, вино бралось из расчета одна бутылка на человека). Но как же могло быть иначе, задается вопросом автор, если каждый должен был платить свой взнос, и все граждане, богатые и бедные, должны были находиться за одним столом? По мнению В. Робера, никто, ни богатые, ни бедные не были удовлетворены таким скромным обедом: в стране, являвшейся родиной ресторана и высокой кухни, знали толк в еде (Р. 400).

Демократы-социалисты продолжали собираться на банкеты еще в течение последующих двух лет. Банкетов не было при Второй империи,

однако в первые годы Третьей республики радикальные республиканцы попытались склонить оппозицию к проведению банкетных кампаний. Хотя после 1848 г. и особенно после 1881 г., банкеты являлись только одной из форм свободного выражения своих идей, не обязательно наиболее широко используемой, главное заключалось в том, что отныне свободное изъяснение своего мнения стало общепризнанным фактом.

Итак, перед нами еще один взгляд на понимание причин революций, когда через тот аспект политической истории, который прежде казался специалистам незначительным, автор вышел на качественно новый уровень осмысления вопроса о действии революционного механизма. Автор не утверждает, что запрет реформистского банкета стал единственной причиной революции 1848 г. Но, поскольку банкет, как убедительно показал Робер, находился на пересечении всех связей, образовывавших политический, социальный и даже религиозный порядок, запретить его, означало затронуть всю систему мифов, бытовавших в дискурсе, политических институтах и практиках (Р. 393).

Книга Венсана Робера является классическим научным исследованием, но при этом выходит за рамки какой-либо одной методологической парадигмы, обнаруживая не только глубокое знание автором изучаемых событий, но и сопереживание им. Эта сопричастность позволяет и читателю погрузиться в мир Франции XIX столетия, со всеми его кодами, мифами и традициями. В этом заключается одно из главных достоинств книги В. Робера, которая, несомненно, будет полезна и интересна отечественным исследователям.

Список литературы

- Зелдин Т.* Франция. 1848 - 1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. [*Zeldin T.* Francija. 1848 – 1945. Chestoljubie, ljubov' i politika. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2004].
- Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж», 1815–1848. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. [*Martin-Fugier A.* Jelegantnaja zhizn', ili Kak voznik «ves' Parizh», 1815–1848. М.: Изд-во им. Sabashnikovyx, 1998].
- Мильчина В.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. [*Mil'china V.* Parizh v 1814–1848 godah: povsednevnaia zhizn'. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013].

- Antonetti G.* Lui-Philippe. P.: Fayard, 2002.
- Apponyi R.* «Les Français envient notre bonheur». Journal du compte Rodolphe Apponyi, 1826–1848. P.: Tallandier, 2008.
- Boigne A.* Mémoires de la comtesse de Boigne. P.: Mercure de France, 2005. Т. 1–2.
- Bordonove G.* Talleyrand : Prince des diplomates. P.: Éditions Pigmalion, 2007.
- Broglie G.* Guizot. P.: Perrin, 1990.
- Broglie G.* L'Orléanisme. La ressource liberal de la France. P.: Perrin, 1981.
- Broglie G.* La monarchie de Juillet. 1830-1848. P.: Fayard, 2011.
- Dino D.* (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Chronique de 1831 à 1862. Т. 1–4. P.: Elibron Classics, 2005.
- Guiral P.* Adolphe Thiers. P.: Fayard, 1986.
- Mémoires et correspondances du prince de Talleyrand / par E. de Waresquiel. P.: R. Laffont, 2007.
- Price M.* Louis-Philippe. Le prince et le roi. La France entre deux révolutions. P.: Fallois, 2009.
- Rémond R.* La droite en France de la première Restauration a la Ve République. P.: Aubier-Montaigne, 1963.
- Rémond R.* La vie politique en France. 1789–1848. P.: A. Colin, 1965. Т. 1–2.
- Rémond R.* Le XIXe siècle. 1815–1914. P.: Seuil, 1974.
- Rosanvallon P.* Le moment Guizot. P.: Gallimard, 1985.
- Teyssier A.* Luis-Philippe. Le dernier roi des Français. P.: Perrin, 2010.
- Theis L.* Guizot. P.: Fayard, 2008.
- Unger G.* Lamartine. P.: Flammarion, 1998.
- Wagener F.* La comtesse de Boigne. P.: Flammarion, 1997.

Tanishina N. «To prohibit the Banquet is to start up the mechanism of the revolution». Review of the monograph by Vincent Robert «The Time of Banquets. Politics and symbolism of one generation (1818-1848)»

The author of review analyses the book of French historian Vincent Robert, a professor of the University of Paris 1 Panthéon – Sorbonne, who tried to examine the origin of the Revolutions of 1830 and 1848, addressing to such an important, but little known page of French political history, as political banquets. As suggested by Robert, without understanding and studying the phenomenon of the Banquet campaign, it is difficult to form an objective understanding of the reasons for these revolutions. A Banquet for Robert was an important socio-cultural phenomenon of French society. It had various functions, its own symbolism and structure and was an integral part of the political culture of France.

Keywords: Banquet campaign, the Restoration, the July monarchy, political culture in France, propertied democracy, July revolution, the revolution of 1848.

А.Ю. Володин*

КАЗУС ПИКЕТТИ: КАК ФРАНЦУЗСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИСТОРИК СТАЛ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЗВЕЗДОЙ?

Оригинальная концепция развития капитала в 250-летней перспективе, предложенная Т. Пикетти, позволяет увидеть на примере ведущих стран мира, включая Францию, эмпирическую закономерность: уровень доходности капитала (r) увеличивается устойчиво быстрее, чем уровень экономического роста (g). История распределения богатства рассматривается Пикетти как ключ к пониманию истории страны в целом. Франция для Пикетти – полигон для изучения имущественного расслоения общества, т.к. французские архивы сохранили одну из самых подробных и однородных серий исторических данных о динамике распределения имущества с конца XVIII в. до наших дней. Историко-экономическое исследование неравенства и концентрации капитала во Франции позволяет выявить существенные тенденции неравенства: рост в «Прекрасную эпоху», уменьшение в годы мировых войн и стагнация в «Славное тридцатилетие», новый рост в 1990-2000-е годы.

Ключевые слова: Пикетти, неравенство, экономическая история, дилемма Растиньяка, всемирная база данных высоких доходов.

- Как Французская революция повлияла на темпы мирового экономического роста?
- Еще слишком рано делать выводы¹.

Тома Пикетти – экономист и экономический историк. Симбиоз привычный в Европе, но скорее удивительный в России. Успех Пикетти, названный по-английски «*pikettymania*», крайне необычен. Книга «Капитал в XXI веке», написанная по-французски, оказалась гораздо более по-

* Андрей Юрьевич Володин, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической информатики исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Так экономисты часто подшучивают над экономическими историками. См.: JokEc – Jokes about Economists and Economics. [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: <http://economicsscience.net/content/JokEc> (дата обращения: 2.09.2016).